

⇒ АРИАДНА БОРИСОВА ⇐

ЛЮДИ С СОЛНЕЧНЫМИ ПОВОДЬЯМИ

РОМАН-ОЛОНХО

ЛОНГ-ЛИСТ ПРЕМИИ
«РУССКИЙ БУКЕР»

18+

Ариадна Валентиновна Борисова
Люди с солнечными поводами
Серия «Имена. Российская проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73883427

Люди с солнечными поводами. роман: Издательство АЗБУКА;

Москва; 2026

ISBN 978-5-389-32392-6

Аннотация

В Месяц опадания листвы солнце по-осеннему неласково освещало долину великой реки Элен. Бесстрашный воевода Хорсун уходил с дружиной в опасный поход, оставляя дома свою жену – кроткую, нежную Нарьяну, беременную их первенцем.

Нельзя было гневить таежного духа, переступить через запрет. Лучше бы остаться Хорсуну рядом с женой и дожидаться ее разрешения от бремени, однако пылкий и грозный нрав не позволил ему отпустить воинов одних.

Но беда шла по пятам за Нарьяной и еще не рожденной девочкой, которой суждено стать самой могущественной удаганкой.

Чтобы спасти ребенка, Нарьяна решилась на отчаянный шаг.

Содержание

Люди с солнечными поводьями	6
Домм[3] первого вечера	7
Домм второго вечера	30
Домм третьего вечера	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ариадна Борисова

Люди с солнечными

поводьями

© Борисова А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

Люди с солнечными поводьями

Сказание первое

Говорят, после создания богов, духов и многого сущего Творец слепил из небесных лучей священного коня Дэсегея с солнечными поводьями за спиной. Конь был чист плотью и нежен мыслями, знал только добро и не ведал зла. Потом на свет произошел трехликий, четвероногий кузнец Кудай. Мастер воспевал красоту, ковал джогуры¹ и прекрасно знал, где добро, а где зло. Чуть позже появился человек. Он умел ценить радость жизни, но плохо отличал добро от зла.

Стали рождаться на Орто² люди рода Дэсегея – люди саха с солнечными поводьями за спиной, наследники Кудалева мастерства. В их душах нашлось место добру и злу, но у каждого оказалась своя мера тому и другому.

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги. Джогу́р – высшее мастерство, дар делать то, чего не умеют другие.

² Орто́ – Срединная земля, или Срединный мир (людей) между Верхним миром богов и Нижним, населенным нечистью; вообще все среднее, находящееся посередине.

Домм³ первого вечера

Мирная долина

Взойдя по-осеннему поздно, солнце поторопилось бросить на Срединную землю лучи-поводья. Солнечная дорожка протянулась поперек Большой Реки от широкого берега Эрги-Эн⁴ до противоположной долины Элэн, замкнутой неприступной стеною причудливо сбитых утесов. За крутым каменным мысом непосвященному трудно приметить тихий залив, прячущийся в изгибе. Чуть ниже под прикрытием елового перешейка в бабушку-реку впадает горная речка Бегунья. От залива до Элен всего один пеший кёс⁵. Чужаки, прибывшие сюда впервые, удивляются здешним просторам. Привольно раскинулись в озерных алáсах⁶ усадьбы шести аймáков⁷, самое крупное по Большой Реке обиталище племени саха – людей с солнечными поводьями за спиной.

Есть в этих славных местах все, чем только может похва-

³ Домм – сказание, история, книга; небесный звук, издаваемый изжитыми на Земле отрезками времени.

⁴ Эрги-Эн – место проведения всенародного базара.

⁵ Кёс (көс) – мера расстояния и времени пути верхом на коне, на быке и пешим ходом.

⁶ Алáс – луговая низина в обрамлении тайги, обычно с озером, удобная для поселения, сенокоса, проведения праздников и собраний.

⁷ Аймáк – селенье, в котором живут люди, связанные обширным родством.

литься Великий лес-тайга, – от высоченных лиственниц, какие редко где встретишь, до горячих ручьев. А если говорить об эленцах, потомках божественного коня Дэсегея, то хоть от луны до луны сказывай о доблестных бóтурах⁸, певцах-сказителях, искусниках по всякому ремеслу и просто добрых людях – не поведаешь и половины.

Каждое пятое лето левый необитаемый берег Эрги-Эн становится крикливым и пестрым. Менялы, перекупщики, кочевники, мастера и досужие людишки из разных начал и концов Великого леса собираются на торжища. Нынче отшумел очередной базар, вместе с пользой и весельем неизбежно несущий беспокойство народу Элен.

Третье колено сменилось после сражения с иноземцами гилэтами, нарушителями мирной торговой сделки, но все еще никто не косит тучные травы на Поле Скорби, где случился кровопролитный бой с внезапно грянувшими врагами. Старики хорошо помнят, как на подмогу воинам вышли тогда все жители аймаков – от дедов до женщин, чьи руки крепко держали топоры и охотничьи копья да умели натянуть тетиву. Страсть сколько людей с обеих сторон полегло, сколько позже от ран скончалось. Войско захватчиков, разбитое в треть, бежало с позором. По сие время ни один торговец из клятвопреступного племени носа не кажет в Эрги-Эн.

Говорят, когда народ прощался с погибшими, прогремел

⁸ Бóгур – воин, прошедший ратное Посвящение.

гром и знак молнии выступил на лицах мертвых героев. Это конь Дэсегей скакал по полю, горя о своих детях, и помечал их светозарными следами славы, а за спиной его развевались огненные поводья. С тех пор Хозяйки Круга⁹, носительницы земных тайн и горшечного ремесла, начали вырезать на правой щеке воинов знаки памяти о битве с гилэтской армией. Молниеносными называют витязей Элен из-за белых зигзагов рубцов на смуглой коже.

Прах павших, своих и чужих, покоится в двух курганах за Подем Скорби. Вездесущие мальчишки, вопреки запретам, рыщут по местам великой сечи, находя в густой траве ржавые обломки мечей и наконечники копий. Во время праздника Новой весны¹⁰ сказители состязаются в звонкоречивом искусстве олонхó¹¹ – поют-рассказывают предания о героях истекших весен. Озаренные высоким знанием жрецы испрашивают милости и снисхождения к людям, вознося благодарность Белому Творцу, светлым богам и добрым духам за спокойствие в Элен. Мирно течет в долине несуетливая жизнь, отлаженная заветами предков, справедливым правлением аймачных¹² старшин и напутствием озаренных.

⁹ Хозяйки Круга – почтенные горшечницы, хранительницы девяти основных заповедей человеческого бытия, жрицы и врачевательницы триединой души Земли: ее почвы, воды и воздуха.

¹⁰ Праздник Новой весны – торжество вершины года (древние якуты считали годы по веснам), отмечается во второй половине июня.

¹¹ Олонхó – якутский героический эпос, а также отдельное эпическое сказание.

¹² Аймачный (старшина) – глава аймака, рода.

При всем том понятно: безмятежность – достояние хрупкое. Эленцы не собираются распускать дружину, возглавляемую багалы́ком¹³ Хорсу́ном. В густом еловом бору у речки Бегуны укрывается выгнутая дугою двухрядная крепость, защищающая подход к долине с юго-востока. За вершинами высоких деревьев таятся сторожевые вежи. В укромном урочище расположилась воинская застава: просторная Двенадцатистолбовая юрта холостых ратников и семейные дворы.

О допрежнем времени, когда ботурам запрещалось жениться, вспоминают лишь те ветхие старцы, чья молодая весна совпала с первым торжищем в Эрги-Эн. Может, оно и правильно было в ту пору нескончаемых распрей с враждебными северными одноплеменниками и другими народами Великого леса. Все меньше вдовилось жен, сиротилось детей. Но нет худа без добра: поубавились междоусобицы после гилэтского вероломства. Теперь в заставе, как в любом аймаке, не редкостью стали веселые свадьбы.

Народ Элен кормил дружину сытно, поставлял ей сильных жеребцов и ратное снаряжение. Семь опытных табунщиков присматривали за норовистыми стадами. Особый отряд бойцов отвечал за воинскую выучку лошадей. Густо висело оружие на колышках, вбитых в двенадцать столбов юрты ботуров. Наставники обучали молодых искусству сражений. На алесе у священного Камня Предков проходили под осень бо-

¹³ Багалы́к – воевода.

евые испытания, и там же совершалось Посвящение в воины. Росла в числе и мощи рожденная в мирное время дружина, несла честную стражу. Люди в долине знали: багалык всегда начеку, войско спит чутко. Случись что лихой ночью, молниеносные собрались бы во всеоружии с быстротою прилива, не больше шума производя, чем волны, тревожащие песок. Но боги пока миловали – не случилось. Меж тем не слишком-то по душе приходилось витязям вольготное житье. Тоскуя по битвам, многие успели сменить черный волос на пегий, а пегий на белый. Попусту шли учения и служба, не с кем было схлестнуться в боевой стычке. В ристалищах можно проверить умение и сноровку, а как обнаружишь в себе настоящую бранную храбрость? Разве что изредка попросят помощи соседи, живущие в верховьях реки. Нет-нет да ограбят их окраинные аймаки нечестивцы барлоры...

Неизвестно, в каком месте беспредельного леса гнездится это лихое разбойничье племя. Барлоры считают себя детьми Златоглазой волчицы, их песни похожи на волчий вой, а шаги легки, как поступь теней. Налетают стаей и пропадают так же стремительно и бесследно. Гоняться за ними – все равно что ловить ветер руками... Ну, бывает, иной раз на стойбища тонготов, бродящих вдоль и поперек по Великому лесу с оленными стадами, нападают ватаги хориту – людей с узорными лицами. Давно, еще до отправления торжищ, иноплеменники хориту явились с неведомой стороны и потеснили кочевников с ягелевых пастбищ. Тонготы и нгáмендри были

в то время одним народом, но отчего-то разделились и убралась в разные стороны. После выяснилось, что совсем разошлись, взяли себе отдельные прозвания и перестали признавать друг друга. А тогда, перед уходом из родных мест, в отместку пришельцам спалили лес за своей спиной.

Девять весен горел лес. На обширном пространстве гари образовалось множество травяных пойм и низин. Терпеливые хориту дождались и по-хозяйски устроились на плодородных аласах, поселились у карасевых озер, начали разводить лошадей и рогатый скот. Бытование их во многом схоже с жизнью людей саха. Правда, болтают, что есть у чужаков странные обычаи, супротивные человеческому естеству: умерщвлять немощных стариков, дабы не тратить на них время и пищу. А еще, откармливая собственных дочерей до кобылей тучности, съедать их во время празднования Новой весны, распевая веселые песни...

Хориту дружат с шаялами и вроде взялись влить свежую кровь в их малочадный, тающий на Земле род. Шаялы превосходят высотой людей других племен Великого леса на полторы головы, а низкорослых тонготов и ньгамендри – на две. Плечевой разворот великанов равен росту среднего мужчины саха, если положить его поперек на широченную шаяльскую грудь. Сильны большие люди необычайно, но доверчивы и глупы. Говорят, эти дурни с ребячьими мозгами собирают солнечные лучи в кожаные бурдюки, глухо закупоривают их и, открывая в темных жилищах, дивятся изво-

ротливости сбежавшего света. А когда ладят подпорки для своих землянок, смазывают маслом короткие бревна и тянут изо всех сил с разных концов, чтобы, смягчившись, они сделались длиннее.

Ой да мало ли досужих басен о несурaziцах всяких племен! О народе саха тоже носится немало нелепых рассказней. Тонготские воины так насмешничают над ботурами Элен: «Утром и вечером молниеносный ботур, выпив ведро масла, съев котел мяса, вылезает из Двенадцатистолбовой юрты. Слезно просит у южного ветра досады, у восточного – осады, у западного – нападения, у северного – наказания. Глядит кругом, а всё не исполняются мечты. Тогда могучий ботур сам идет навстречу бедам. Ох и грозный же, ох непобедимый!.. Только не суждено доехать – первый же ветерок валит его с ног долой!»

Обидная подковырка, но не причина для драки. Тонготская орда шутит, да понимает: попробуй-ка напасть на долину – мощное войско сотрет дерзких с лица земли.

С великой надеждой ждут ботуры чужого лиха. Заранее прикидывают, кого воевода пошлет сражаться, кому улыбнется ратное счастье. Бойцы, вернувшиеся с редких сшибок, похваляются подвигами и ранами, хвастают благодарственными дарами спасенных. А порою, если защищать некого слишком уж долго, скучающая младая чадь, к стыду багалыка и отрядных старшин, сама задирает парней хориту, тонготов и даже соседей-соплеменников. Поэтому Большой сход

Элен решил отправить нынче на оленнюю охоту по северным протокам не половину, как обычно, а все войско. Хватит в заставе и незначительной стражи. Кого бояться? Пусть дружина на всю зиму запасет мяса для людей долины, а заодно утолит добычей багровую жажду. Ботуры – лучшие охотники, умеют умертвить зверя так быстро и мягко, что дух его и боли не успевает почувствовать. Ничто не оскверняет взыскательных глаз Бай-Байанай¹⁴, когда промысел правят воины, потомки древних охотничьих родов.

Пошел первый день Месяца опадания листвы¹⁵. Мясо у диких оленей в это время самое вкусное, успевший отлечь мех блестящий и темный, кожа крепкая. Нажировавшись на богатых сочными водорослями озерах островов, ветвисторогие возвращаются в тайгу. Охотники с луками и копьями будут ждать их у речных переправ. Может, посчастливится добыть и других, имеющих кровь: красавцев изюбрей, лопаторогих лосей, медведей, вдосталь налакомившихся масляными кедровыми орешками. Никто из воинов не хотел остаться в заставе.

– Не от кого стеречь! – кричали, охваченные охотничьим пылом. – Даром сидим на довольствии, в глаза людям смотреть совестно!

Багалык Хорсун не стал сам назначать стражей, велел бросить жребий. Щепки с угольными метками вытянули из шап-

¹⁴ Бай-Байанай – дух леса и охоты.

¹⁵ Месяц опадания листвы – сентябрь.

ки рыжий Кúгас и, будто нарочно, его младший брат Дублан. Парень чуть не взревел от обиды, но делать нечего, раз уж так выпало. Знать, сам Дилгá¹⁶ вздумал подшутить над братьями. Оба они, а затем вся дружина вопрошающе воззрились на Хорсуна: сам-то идет ли? Нарьяна, его молодая жена, на сносях. Всем ведомо было, что главный жрец воспротивился отъезду багалыка.

...За день до отправки войска старейшина долины плотник Силис собрал Малый сход¹⁷ в своей юрте, в аймаке Горячий Ручей. Хорсун легко убедил старшин оставить в заставе всего двоих воинов:

– Не такое великое время сезонной охоты – десять дней. Вокруг спокойно, не должно случиться плохому. Кто вспомнит, когда приключалась последняя напасть?

Старшины задумались. Потом коваль Тимír, старшина кузнечного селенья Крылатая Лощина, усмехнулся:

– Помню разве только, как упряжной бык лодыря Манихáя, с полными дров санями, в медвежью яму ухнул позапрошлой весной. Слава богам, яма была без кольев. Наш олук кинулся сани тащить и сам свалился... Вот была беда так беда – весь аймак с детьми и стариками примчался дурня вызывать! После дивились, что бык невредим, а Манихай исхитрился руку сломать да жилы на лодыжке надорвал. Ох и

¹⁶ Дилгá – божество, управляющее судьбой племени и каждого человека.

¹⁷ На Малый сход, в отличие от Большого – общего собрания населения, – собираются только облеченные властью.

довольный ходил! До осени с полным правом палец о палец не ударил...

Посмеялись.

– Что ж, достаточно будет двоих охранников, – кивнул Хорсуну старейшина Силис, и аймачные согласились.

Сход уже собрался разойтись, как вдруг главный жрец Санда́л, подрагивая увечным веком, громко напомнил Хорсуну:

– Услышим ли глас одобрения предков? Жена твоя в бремени, грех тащить за собой в лесную невинность мутный сквозняк женской немочи. Незачем гневить таежного духа, переступать через запрет. Остаться надо тебе.

Старшины тревожно помалкивали, не зная, чью сторону взять. Потупив было голову, Хорсун поднял на них яростные глаза, но ничего не сказал. Резко повернулся и четырьмя шагами пересек широкую юрту. Не простившись, хлопнул дверью, аж дрогнули крепкие стены и посыпались плотницкие заготовки Силиса с полок.

– Дом-то мой за что наказал? – сокрушенно развел руками старейшина.

И вот дружина безгласно смотрела на багалька, ожидая его веского слова.

– Чего уставились, будто на темени у меня свил гнездо красноносый журавль стерх? – обронил Хорсун, обведя воинство тяжким взором.

– А ничего, – ответил за всех рыжий Кугас не без тайного

сожаления, сразу потеряв надежду на то, что багалык останется с ним и Дуоланом. – Думали, ты, как всегда любезный и кроткий, послушаешься озаренного Творцом...

Ботуры дружно захохотали. Всем было известно: багалык скорее даст себе палец отрубить, чем начнет кланяться Сандалу и выполнять все его наказания.

* * *

Жрецы благословляли дружину к добыче и кропили воинов жертвенным маслом. Хорсун отсиживался дома. Даже не поглядел в окошко на разведенный у Двенадцатистолбовой юрты очищающий костер. Привлек на колени жену, хотя перед охотничьим походом к женщинам и приближаться нельзя, обнял крепко-крепко. Шепнул на ушко заветные слова, какие она от него только дважды слышала за три их семейные весны: раз – в свадебный день, второй – когда призналась, что не пустая, и вот – третий... Нагнулся и прильнул щекой к жениному животу, приложил чуткое ухо. У Нарьяны горло перехватило от щедрости редкой ласки – суров был муж! – и ребенок торкнулся от нехватки дыхания.

– Сын меня пнул, – засмеялся багалык. Спросил: – Поди, скоро?

– Не должно, – зарделась Нарьяна, – тебя дождусь.

Уткнулась лицом в его жесткие волосы, стянутые ремешком в короткую косицу. В прядях косицы пряталась медная

трубочка. Маленький, но сильный оберег, с заключенным в нем пером священной птицы Эксэкиб¹⁸.

Посидели молча, слушая сердца друг друга и третьего,жданного, соединяющего их. Потом Хорсун встал, и Нарьяна поняла – теперь не смей подходить. Тихо ушла за ровдужную занавеску на левой, женской половине дома. Занялась шитьем, чтобы не мешать мужу готовиться к дороге.

Разведя в камельке жаркое пламя, Хорсун начал обряд очищения. Достал с матицы охотничьего идола, смочил ему рот кобыльей кровью. Долго молился-кланялся хозяину огня и лесному духу. Встряхивал одежду и снасти над волнисто курящимися с краю тягла ветками можжевельника. Старательно обволакивал ноги отгоняющим нечисть благовонным дымком чабреца. Брызгал в четыре стороны топленным маслом, в огонь подливал и себя не забыл помазать. Оделся-собрался, прочел заклинание лицом к двери. Кинул, не оборачиваясь:

– Жди.

И вышел.

Нарьяна не осмелилась выбежать вслед. Взметнулась к окну, высматривая гнедого коня Аргыса с белым пятном на лбу, мужа в волчьей дохе, в новой бобровой шапке. Сама шила шапку, с благословениями закрепляла медный круг-солнце на тулье. В любой толпе нетрудно найти багалыка –

¹⁸ Эксэкиб – божественный орел, беркут с четырьмя головами и восемью крыльями; звезда Денеб в созвездии Лебеда.

высок и могуч. Воины возле него что дети малые, да и Аргыс внушительнее остальных коней.

Хорсун взмахнул рукой, прокричал что-то дружине, и всадники повернули к речке Бегунье. Поскакали по горной тропе, ведущей к утесу Каменный Палец и дальше, за скалистые гряды, к рекам, текущим по ничейным равнинам. Нарьяна заметила, что вьючных лошадей взяли вдвое больше назначенного. Уж очень, видно, хотелось багалыку сполна выполнить наказ схода, чтобы люди долины легко пережили Голодный месяц¹⁹. Пусть же не скупится Бай-Байанай, даритель промысловой удачи!

* * *

Кони двигались слаженно и бесшумно, где легкой трусцой, где укрошенным шагом. Воины сидели в седлах как влитые. За спинами покачивался лес копий, сверкали медные и железные котлы, крепленные ремешками к хитрым заплечным обручам, обтянутым дубленой кожей. Хорош в походе такой обруч, не тяжело носить с ним добычу и вещи, а на привалах он и стол, и блюдо для мяса и рыбы. Если же негаданная военная нужда повелит – вместо щита согодится.

Дай волю – взорвались бы молодцы шутками и смехом в предвкушении охотничьих страстей, но в лесу не смеются

¹⁹ Голодный месяц – февраль.

громко. Лишь неудержимые улыбки светились на блестящих от жертвенного масла щеках, сдвигая к скулам крутые зигзаги молний. Хорсун тоже улыбался, любуясь доброй дружиной. Однако в душе багалыка скребся темный зверек. Правильно ли он сделал, оставив людей без защиты на целых десять дней? Может, следовало покориться доводам сведущего жреца? Не случится ли так, что вернутся ботуры, а защищать будет некого и некого одаривать богатой добычей, равными долями по славному обычаю предков?

Только двое стражей охраняют Элен, если не считать жены рыжего Кугаса могучей Модун и дружинного мясовара Асчита. Но ведь какой бы сильной и ловкой ни была Модун, она все-таки женщина, не посвященный воин. А веселый толстяк Асчит совсем не любит драться. Все его думы о пополнении мясных ледников, погребков с молочной пищей и осенней заготовке съедобных кореньев.

Сердце Хорсуна сжалось от нежности: Нарьяна. Женщина со звездами в глазах, что, верил, ему лишь сияли. Жена, любимая до неистового бега в крови, до сладкой боли в предсердье, лишь произнесешь ее имя... Покинул! Удрал в самое для нее нелегкое время. Азарт охоты, а пуще того нежелание подчиниться жрецам оказались сильнее семейных забот и покоя в долине... Упрямый!.. Не знающий к жене жалости, мнящий о себе высоко!

Так ругал себя багалык, сидя в седле с прямой спиной и застывшей на лице улыбкой.

Свернув к Скале Удагáнки²⁰, Хорсун придержал Аргыса, дождался, когда воины уйдут вперед. Достал из подвешенного к поясу кошельа взятый из дома пучок белых конских волос, забросил его за валун, прикрывающий сбоку вход в маленькую пещеру. Пусть хранит долину, жену Нарьяну и ребенка оберег священного Дэсегея. Наклонив голову к сложенным ладоням, произнес краткое заклинание. Прости, Белый Творец. Прости и ты, удаганка, жрица солнечного огня...

Однажды на празднике Новой весны приезжий олонхосúт²¹ рассказывал легенду о жрице и происхождении созвездий. Все знали древнее предание, но слушать было приятно. Связные украшения к словам подобрал старик, мало кто так умеет. Вот и Хорсун горазд сложить в уме пригожие мысли, а вслух молвить – неуклюжим становится робкий язык, от неловкости загораются щеки. Да и зачем ему? Разве что пересказывать сказку через пять весен сыну, остальным детям, если впоследствии даст их Творец.

В оный век, когда подлунный мир был не толще, чем коня хребет, а реки играющий ручей мчался по песчаной борозде, удаганка старая жила, что лепила чаши с крепким дном, с яркими лучами на боках. Рода жрицы той никто не знал, имени теперь я не скажу, только имя лошади ее помнит-

²⁰ Удагáнка – шаманка, жрица небесного огня.

²¹ Олонхосúт – исполнитель олонхо.

ся – Крылатая Иллэ²², да осталась в памяти людей женщины диковинная смерть, ибо невозможно позабыть и за двадцать канувших колен, что тогда случилось на Орто.

Холодом на сердце ощутив близость вечно алчущей Ёлю²³, жрица перемолвилась с Иллэ, и взмахнула та крылом в ответ, дымкой улетающая в небеса. Женщина велела возвести слева от особенной скалы, где всегда камлала на заре, арангас²⁴ на листовенничных пнях – наверху с колодой вырезной, изголовьем к северным краям. Облачившись в светлую доху, чашу прихватила с восемью яркими лучами на боках, завернулась с головы до ног в полотно из белой бересты и легла в глухой древесный одр, как во чрево матери дитя.

Ночью той затеялся буран, наметавший снега аж до крыши, топорами снег пришлось рубить, чтобы выйти из остывших юрт. Умерли все те, кто не сумел истощенный подкормить очаг. Слабых души печальный хоровод, сделав над Орто последний круг, в мир надзвездный тихо просквозил и оставил хладные тела под надзором смерти и зимы.

Девять дней и девять же ночей отступили в Коновязь Времен²⁵, и кому-то вылезть удалось из сугроба, выдолбив

²² Крылатая Иллэ – волшебная кобылица с лебяжьими крыльями, мать летучего табуна удаганок.

²³ Ёлюб – дух смерти. Известен в облике одноглазой одноногой старухи.

²⁴ Арангас – могильный помост с колодой – «колыбелью» покойника; созвездие Большой Медведицы.

²⁵ Коновязь Времен – прозрачное наверхие мирового древа Ал-Кудук на девятом ярусе небес. Боги привязывают к нему своих лошадей. В Коновязь Вре-

дыру. Глядь – летает жрица над Элен на колоде вырезной верхом, ветер кличет, к помощи зовет, бубенцами медными звеня!

Не один – все восемь принесли, разрыхлили плотные снега. Солнце довершило их труды – растопило ледяную твердь, и увидел изумленный люд, что свалились камни со скалы, и свершилось чудо из чудес: очертаниями стал утес Удаганки лик напоминать! То же благородное чело, складки век над гнездами глазниц, нос с горбинкой, как при бытии, только все из исполинских глыб...

Там, где плеч громадных разворот уходил подножием во мхи, за большим упавшим валуном впадина глубокая нашлась. Подивились, кто туда зашел: выбоина ладною была, будто человек ее рубил – шире юрт о четырех столбах, выше, чем высокий рост мужчин, с потолком округлым, а внизу – глиною подбитый ровный пол. Чистый горный воздух из щелей, неприметных для дотошных глаз, тихо-тихо колыхался здесь, словно чей-то грустный вздох живой...

В тот благословенный Богом век в каждом уважаемом роду свой имелся чародей-шаман. Вот шаманы вместе собрались и камлали у скалы два дня, а на третий день, допив кумыс из чорбона²⁶ в пояс вышиной, приказали девять привести белой масти яловых кобыл.

мен со звуком «домм» падает отжившее время, из которого слагается вещество вечности.

²⁶ Чорбон – священный кубок амфорной формы, символизирующий голову лошади. Предназначен исключительно для питья кумыса.

Подвели табунщики едва девять белых лошадей к скале – вспыхнул в тот же миг слепящий свет и пропали кобылицы враз, лишь раздался приглушенный звон то ль копыт, то ль медных бубенцов с неба, вспененного, как кумыс, облаком – предвестником весны...

Столько прибыло весной телят, жеребят веселых развелось, сколько не рождалось до сих пор. Лес-тайга наполнился зверьем, в каждой жаждущей детей семье появились дочки-сыновья!

Печься о могиле стал народ, очищать с нее грибную прель, покрывать колоду и помост жидкою растопленной смолой, чтобы лиственничные столбы дольше не брала гнилая хворь. Завещали детям арангас в чистоте-исправности беречь...

Вскоре раздобрела плоть Земли, потекла веселая река полноводно в русле золотом. Много славных, доблестных людей, мастеров прибавилось в Элен. А потом другие племена ближе к ней нашли себе приют, знатную долину нарекли Перекрестием живых путей...

Небушко однажды над скалой зазвенело, будто кто-то в медь нежно молоточком застучал, а под утро, как рассвет взошел, одинаковый приснился сон трем умелицам лепить горшки с яркими лучами на боках. Удаганка ветром принеслась на крылатой лошади Иллэ, каждую Хозяйкой назвала, строго наказала сохранять Круг земных законов на Орто.

Дали жрице женичины обет. Попросила их она затем мо-

щи утомленные ее под скалой волшебной закопать. Только яму вырыли, как вдруг двинулась колода и сама мирно упокоилась в земле – будто на бок туесок упал в бережно раскрытую ладонь, и, рассыпав древние столбы, легкий ветер в небо улетел...

Звездной выдалась глухая ночь. Заприметил кто-то арангас, звездами начертанный сверху, и колоду поодаль узрел, также сотворенную из звезд.

Арангас с Колодой²⁷ и теперь вспыхивают ночью над Элен, а в Кругу Воителя²⁸, дымясь звездной пылью пышиного хвоста, светится Крылатая Иллэ. Яркое сияние рядом льет Северная Чаша²⁹ – так зовут люди путеводную звезду с восемью лучами по бокам. Видная со всех сторон, она украшает крону Ал-Куду́к³⁰ – дерева трех воинственных миров. Там орел Смотрящий Эксэю³¹ сквозь шатер хвои стремится к Элен взор восьми немеркнущих очей.

С той поры, как в небесах возник Удаганки звездный Арангас, перестали умерших своих люди вешать на ветвях деревьев в шкурах шеститравных кобылиц. Начали покойных погребать головою к северу в земле, уложив, как в туес, в бересту. На помостах хоронить теперь стал народ шама-

²⁷ Колода – созвездие Малой Медведицы.

²⁸ Круг Воителя – Млечный Путь.

²⁹ Северная Чаша – Полярная звезда.

³⁰ Ал-Куду́к – мировое дерево, ось Вселенной.

³¹ Смотрящий Эксэю – звезда Денеб в созвездии Лебедя.

нов, да и тех, если только славились они добрыми делами на Орто, а недобрых – предают огню с утварью волшебной и жильем, дабы в пепел извести их вред. Над воителями – лишь курган, всем ветрам открытый и простой высится, чтоб души без препон, с лошадьми, оружием боевым в войско занебесное ушли.

Век Хозяек кончится одних – и другие три встанут на пост, крепко заповедный Круг хранят, берегут от немочей-хвороб воздух, воду, почву и тайгу.

Ох, помыслить страшно, что грядет, коль забудется заветный Круг! Солнце скроется, шатнется мир, звезд осколки, с гору высотой, с неба сотрясенного падут, и неслыханный наступит век холода и жуткой темноты! Искажится человеческий нрав, истончатся рубежи миров, бесы, вылезшие из Джайан³², станут, как хозяйева, гулять в неприметном облике людском по больной, изъязвленной Орто!.. И друг с другом воевать пойдут племена, аймаки, брат с сестрой, и восстанут жены на мужей, и прогонят сыновья отцов! В нерестовых реках забурлит кипень красная кровавых волн, ядовитый поползет туман, насылая поголовный мор на людей, стада, зверье в лесу!..

Лишь когда истерзанный народ воскресит в умах забытый Круг – девять заповедей до одной, – голодающим еду раздаст, приведет озябших к очагу, сердцем к сырým повернется вновь, – вот тогда наладит бог судьбы искривлен-

³² Джайан – Преисподняя, Нижний мир.

ный демонами путь и рассеет без следа туман, насылающий недуг и смерть. Сущее воспрянет к бытию, плоть Земли очистится от язв, воздух станет легким и вода вкусной, как парное молоко! Воссияет солнце, а в ночи – Северная Чаша, что кумыс счастья человеческого хранит, и настанет новая пора – время всеобъемлющей любви на прекрасной молодой Орто!

Очнувшись, Хорсун пустил коня легкой рысцей, догоняя дружину. Во-о-он она уже где, пока он молился и тешил-расчесывал виноватые мысли, вспоминая старую сказку. Вперед ускакали бравые охотники по извилистому подъему к утесу Каменный Палец. Стука копыт не слышно в изменчивом эхе. Видно лишь, как переливаются мышцы под кожей конских крупов да хвосты развеивает носящийся в ущельях и скалах живущий здесь ветер, младший брат восьми могучих ветров.

Все же странные в этом месте скалы! словно жеребцы-великаны с крутыми загривками взвились на дыбы и застыли, оцепенели навек. А Каменный Палец и вовсе непростой, один такой утес на весь Великий лес-тайгу. Со всех сторон притягивает к себе взоры громадный перст, уставленный в небо, – то ли грозит, то ли напоминает о чем-то... Наверху небольшая покатость, огороженная с восточного бока краем исполинского ногтя. Каждый день на рассвете туда по длинной лестнице, вырубленной лучшими мастерами, поднимается главный жрец.

Багальку хотелось дознаться, какие тайны носит Сандал в своем неискреннем сердце. Почему он, человек из чужого аймака или даже чужого племени, ушел с тех земель, где покоится прах его предков? Что побудило пришлеца выбрать Элен для жреческого обитанья, осесть и освоиться в долине? Где он обрел знания озаренного, выучился красноречию? Откуда у него шрам на правой щеке, изувечивший лицо так, что глаз полузакрыт? Из-за этого шрама незнающие люди порой принимают жреца за молниеносного воина.

Много было вопросов, да вряд ли дождешься правдивого ответа от скрытного Сандала.

С юности Хорсун без приязни относился ко всем чародеям. Жизнь – не легенда, обросшая небывальщиной. Жрецы, шаманы, колдуны и ведьмы... словом, те, что считают себя волшебниками, мутят народ на хитрую пользу себе. Хорсун полагал их мошенниками и лжецами. Не верил в дар творить чудеса. Мастерство, думал он, – вот настоящий дар-джогур, не сказки для детей и наивных. Многому способен научиться упорный человек, обладая умной головой и чутьем умелых рук. Нет на свете чудес. Все объяснимо божьим промыслом и помощью духов, а люди тут вовсе ни при чем.

Мимо селенья жрецов Хорсун проехал, гордо подняв голову. Не удостоил и взором гостеприимные коновязи перед гладко мазанными юртами. Догнал дружину на самом гребне и, замыкая конную вереницу, не удержался, обернулся-таки мельком на долину. Снова нарушил небольшой, но все же

запрет духа – хозяина дороги: не заворачивать шею назад в начале похода. Цепкого взгляда с такой верхотуры хватило, чтобы обнять милые сердцу места от Поля Скорби до селенья Горячий Ручей... О, родное гнездовье в бережных горных ладонях, спокойная Элен!

Домм второго вечера

Сын однорукого

Отец Хорсуна в свое время сражался с гилэтами в легендарной битве на Поле Скорби. Тогдашний багалык велел Хозяйкам Круга одним из первых пометить его лицо знаком-молнией. Враг отрубил правую руку отца. Десница, оторванная от тела, успела на излете отхватить мечом косу молодого гилэта. Жаль, не вкупе с головой срезалась тугая, иссиня-черная косица длиною в три кулака. Теперь она висела в доме на самом высоком колышке правого западного столба над восьмикрылым боевым шлемом багалыка. Маленький золотой меч-оберег, привязанный к вплетенному в волосы ремешку, обманул неприятеля, не принес ему славы.

Лишиться волос для любого воина, здешнего или чужого, – самый большой позор. И почет для бойца, снявшего ее с затылка живого противника. Раньше ратники, говорят, вместе с косами вкруговую сдирали кожу с вражых голов. Женщины выминали эту победную добычу и шили из нее нарядные переметные сумы. Циновки плели... Считалось, что бог Илбис³³ дарит спящим на гривах врагов дополнительные весны доблестной жизни.

Осрамившийся был багалыком гилэтов. О его главенстве

³³ Илбис – божество войны и мести.

извещали сверкающая золотыми насечками броня, шлем с золотой окаемкой и высоко задранный подбородок избранного повелевать. Будь он истинным воином, пал бы в бою, не снеся позорища. Постарался б забрать с собой в славную смерть столько недругов, сколько дадут Илбис и отвага, тогда молодого вождя с уважением поминали бы свои витязи и ратоборцы заставы Элен, не памятуя о снятой косе. Но он сбежал, этот чужой багалык, повернувшийся к битве спиной. Верно говорят: честь в долг не возьмешь, мастеру не закажешь.

После побоища на Поле Скорби сыскалась гривна бликового серебра с изображением коршуна. Кто-то вспомнил, что летящий коршун красовался и на щите хилого духом гилэтского предводителя. Ботуры сокрушались: слабак и своего птичьего покровителя поверг в бесчестье постыдным побегом. Гривну даже кузнецу на переплавку не отдали, бросили в ямину с трупами врагов.

Своей смертью настоящие воины не умирают. Они погибают в бою, принося себя в жертву богу войны.

За долгие весны осел и раздался прежде крутой курган над прахом поверженных гилэтов и опороченной гривной. Подле высится курган-двойник. Под ним спят земные души эленских героев. И правая отцовская рука. Тоже геройская, хотя всего лишь часть тела, не обладающая отдельной душой. А сам отец вместе со своим беспримерным упрямством похоронен далеко от Элен.

Когда култышка заросла, однорукий воин ушел из заставы. Сход аймачных старшин положил ему неплохое жалование одежей и довольствием как победителю и пострадавшему. Он отказался. Не хотел, гордый, избывать оставленный Дилгой срок на дармовом содержании. Построил с помощью родичей добрую юрту в аймаке Крылатая Лощина, женился и обзавелся хозяйством.

Наверное, отец остался бы холостым, не сделайся он калекой. Жене от него перепадало не больше внимания, чем любому предмету в доме. Обращался с нею не плохо, не хорошо – никак. Она подарила ему сына – это все, что от нее требовалось. И рождения сына отец ждал не для продолжения рода. Своенравный разум этого независимого человека, поклонявшегося одному только Илбису, хранил никому не излагаемые затеи.

Со временем отец в простых домашних делах натрудил левую руку не хуже чьей-нибудь правой. Сын нередко имел случай убедиться в ее скорости и весе на собственной шкуре. Правда, взрослея и набираясь ума, Хорсун все чаще ощущал тяжесть родительской длани не с болью в затылке, а с одобрением – на плече.

Воинским премудростям отец обучил мальчишку сам. С трех весен, еще плаксивых и нежных, стал будить по утрам

плетью. Порка была – одно название, но сын рыдал громко и горько – от непостижимости обиды. Бежал жаловаться в левую половину юрты к матери, совсем недавно отлучившей его от груди. Мать отворачивалась, будто чужая, давая понять: так нужно.

– Не позволяй страху и возмущению владеть тобой, не то я забью тебя до смерти! – рычал отец.

Мальчик плакал, хотя двойная плеть устрашающе свистела поверху, не касаясь его спины.

– От плача душе становится тесно, и слезы выносят ее наружу. В разверстой душе гуляет ветер!

Хорсун замолкал. С вспыхнувшим наследным упрямством терпел обиду и начавшие вскользь прилетать удары плети. А скоро уже вскакивал с постели, едва заслышав скрип лежанки под могучим отцовским торсом.

Через год домашний мучитель принялся гонять сына бегом по двору. Метал в него деревянные дротики, которые называл стрелами.

– Следи за стрелой. Видишь? Хорошо! А теперь приметь вместе с нею цветок в траве и тучку в небе.

– Не могу! – в отчаянии кричал сын.

Легкая деревяшка летела дугой и кожу не пробивала, но было очень больно.

– Ты что бродишь глазами, человек-мужчина, упился хмельного кумыса?! – вопил отец, забывая, сколько сыну весен. – Вмести во взгляд свой всего одну стрелу, всего одно

небо и одну землю! Разве это много?

– Не могу!

Беспощадный смеялся:

– Сможешь!

Не за одну весну приходит к бойцу мастерство. Отец не уставал твердить, что истинное воинское искусство растягивать и сжимать мгновения даруют не боги, а непрерывный труд и терпение.

Отзеленели три весны, прежде чем ученик научился скользить легче тени и отбивать палки маленьким кожаным щитом. Теперь мальчик легко и свободно перетекал из одного движения в другое, как текут-вьются в Большой Реке прихотливые волны.

Спустя еще какое-то время отец начал стрелять в Хорсуна из лука. Наконечники стрел были деревянными и круглыми, но тетиву наставник оттягивал почти в полную силу, какую вымуштровал в тех мышцах от плеча до подбородка, что заменяли ему потерянную конечность.

Потом в ход пошли деревянные бóлоты³⁴. По требованию отца Хорсун выстругал их из разного дерева великое множество. Все сломались, не выдержав совсем не ребячьих баталий. Лишь увесистые лиственничные мечи, выдержанные для крепости в топленом жире, сослужили долгую службу.

Хорсун задыхался от бега в бесплодных усилиях избежать колючих тычков острия. Отец говорил:

³⁴ Бóлот – якутский меч.

– Сцепи зубы. Не вдыхай воздух рывками, иначе он сам начнет рвать лепестки твоих легких. Собери в тугий бутон легкие, печень, сердце, всего себя. Не сжимайся! Бутон – не кулак, он собран, но не напряжен.

– Я – не бутон. Я – мальчик! – протестовал Хорсун, отступая.

– На вид ты просто мальчишка, не спорю. Но твое тело, послушное мыслям, может совершать чудеса. Когда будет нужно, тело покажет тебе: ты есть то, чем вообразил себя. Ты – цветок, стог сена, колючая ель, непробиваемая стена... и даже оружие!

– Оружие? – не верил Хорсун.

– Да, и оружие! Ты волен внушить своей плоти суть любой вещи, животного, растения... Ведь научился же ты ускользать от стрел, как вода? Так сумей стать твердым, как земля, когда плашмя падаешь на нее. Если твердым стукнуть о твердое, ничего, кроме удара, не происходит. Нет никакой боли! А еще лучше – сделайся самим этим сокрушительным ударом. Способность мыслить дана тебе для перевоплощения, воин!

Съездившись, Хорсун жмурил глаза и пробовал представить себя то мечом, то землей...

– Дух твой должен быть спокоен и тело свободно. Тогда глаза увидят то, чего раньше не замечали. Уши услышат на много кёсов вокруг. Спина почует чужой взгляд за миг до того, как тебя обнаружит враг.

– Враг?..

– Встречай его хладнокровно! Спрячь душу поглубже, сам же старайся проникнуть на дно вражьего взгляда. Узри в противнике его нрав и слабое место нрава. Знай: скупой зажат, жадный – нетерпелив, любострастный – порывист. В жестах всякие людские пороки отражаются по-своему. Найди эти изъяны, и они помогут тебе сразить врага.

Сын бился двумя руками, по мечу в каждой. Отец, орудуя одним, приказывал:

– Пляши!

– Зачем?

– Разве бой с мечом не напоминает тебе пляску? Разве ты не знаешь, что она – песня тела? От того, как ты движешься, какой изберешь новый танец – стремительный, плавный, прыгучий или петляющий, – зависит твоя жизнь!

И Хорсун танцевал. Он привык к «песням тела», привык к ежедневной муштре. Скучать было некогда – жизнь наполнялась новыми знаниями.

– Сын! В чем нуждается победа?

– В опытных мастерах боя!

Отец ухмылялся:

– Не думай, что на самого искусного бойца не найдется на войне искуснее его! Опыту нет совершенства.

– Но ведь и войны нет...

– Она может начаться в любое время.

Отец сразу же раскраснелся, будто война, которую он все-

гда втайне ждал, бросила на него свой кровавый отсвет.

– Только во время сражения воину дано испытать настоящее счастье!

Однажды в поединке отец без предупреждения сменил свой деревянный меч на железный. Хорсун всерьез поверил. дай он маху – и учитель не пощадит. А на следующее утро увидел в изголовье подарок – новый боевой болот в затянутых кожей ножнах.

Но прежде чем применить в учении настоящие мечи, почти всю зиму посвятили занятиям с боевыми батáсами³⁵. Испробовали все известные отцу ножевые приемы. Против батаса одно за другим выступали палка, охотничье копье и деревянный меч. Труднее всего было выстоять безоружным против ножа, а отобрать его у отца и вовсе невозможно. Отец играючи выхватывал оружие у Хорсуна, ни разу не поранив ни его, ни себя. Хорсуну же не удавалось обезоружить отца, как не получалось избежать и порезов на руках.

В ежедневные уроки входил хапсагай³⁶.

– Хапсагай – борьба благородная, без крови. Придумали ее наши предки, чтобы можно было биться без мечей и копий, – объяснял отец. – Оружием были приемы. Они убивали не хуже мечей. В воинском Посвящении знание этих приемов – одно из многих испытаний. На праздниках ты

³⁵ Батáс – якутский нож. Батасы подразделяются на боевые, охотничьи, хозяйственные. Величина, ширина клинка и длина черня зависят от предназначения.

³⁶ Хапсагай – древняя военно-спортивная борьба.

видел, как люди показывают искусство правильно бороться. Разумеется, без смертоубийства... Главное здесь – быстрота. Борьба, как ничто другое, помогает человеку овладеть временем. Постигнув хапсагай, ты сумеешь неуловимо уходить от атак и нападать, с неотвратимой скоростью возникая там, где тебя не ждали. В одном движении скрывается девять. Раз – выверт, два – подсечка, три – твой противник на земле. Этот счет на «три» – то, что зримо людям. Потом ты говоришь себе «четыре». Люди удивляются, что не видят тебя, а ты уже на пути к дому.

На земле, конечно, неизменно оказывался Хорсун. Вскликая, как ему казалось, сей же миг, он видел ухмыляющееся лицо отца. Тот спокойно, нога на ногу, сидел на пороге юрты.

Боролись и просто дрались. Бились на кулаках, лицом к лицу, на расстоянии взмаха, в прыжках наскоком. Разве что не кусались и не царапались. Ноги Хорсуна привыкали двигаться послушно и внимательно, наравне с руками.

О, сколько раз, не сумев извернуться, он получал ужасный тычок в горло! Шея не могла поднять голову, горло захлебывалось слюной. Сколько раз от увесистого шлепка по затылку перед глазами вспыхивали, мерцая, ярко-красные круги! А сколько было оплеух, когда в оглохшей голове начинался трезвон незримых колокольцев!.. При этом Хорсун знал: отец не бьет даже в четверть силы. Его натруженная левая рука за время тренировок стала крупнее и тверже десниц дру-

гих воинов, словно сама по себе спешила набрать разрушительную мощь.

Между уроками отец перебирал мелкие камешки, насыпанные в кошель, висящий на поясе. Каждый палец руки без труда поднимал тяжелые камни, оплетенные ремешками. Иногда отец крепко сводил пальцы вместе и принимался с силой, будто острием ножа, тыкать в жесткую землю. Ямки, остающиеся от этих упражнений на месте занятий, темнели недолго. Стоило вновь взяться за мечи, как побелевший от соленого пота круг земли, на котором ничего не росло, приминался и выравнивался под ногами.

Украдкой Хорсун тоже пытался продырять землю пальцами и удивлялся, как она неподатлива. Свирепую силу левши ему было не превозмочь. Отец, наверное, мог запросто вонзить пальцы в горло врагу и одним резким, страшным движением разодрать его пополам...

– Меняйся! – покрикивал отец. – Лети на меня с разбегу, ты – птица! Прыгай, ты – заяц! Рушь меня, ты – медведь! Рассыпай удары: прямой кулаком, круговой сгибом ладони, удар коленом, ногой по моему колену! Бей же, бей, пинай – спереди, сзади, сбоку, наискосок!

Он невозмутимо принимал удары каменно твердым телом, а потом незаметно вздергивал плечом, и сын как подкошенный валился с ног.

– Ты сжимаешь силу комком в одной части тела, поэтому другие места остаются без защиты, – качал головой настав-

ник. – Распредели силу по всему телу. Сам ею стань!

Учеба крепко вбуравливалась в тело и душу и уносила время. Если бы Хорсуна спросили, когда траву во дворе сменил снег и снова успела вырасти трава, он, пожалуй, затруднился бы ответить. Костяк его постепенно обретал звериную гибкость, а остатки мягкого мяса превратились в каленую плоть, из которой до капли выжималось все детское.

Пробегая в коровник мимо сражающихся домочадцев, мать зажмуривала глаза и зажимала уши. Она боялась даже коротких воинственных воплей, не то что ударов. Женщине чудилось, что драчуны сейчас прикончат друг друга. Но возражать против страшных занятий она не отваживалась. Не смела подступиться со снадобьями и робкой лаской к вечно подраненному сыну и равнодушному мужу.

Хорсун догадывался, что отцовское предпочтение пало на мать из-за ее стеснительности и немногословия. Покалеченный ботур взял долговязую девку-перестарку, не чаявшую уже, что кто-нибудь сведет с братнего двора. Она была благодарна воину. Она его боготворила.

Когда парень пришел в юный возраст, отец сказал:

– Я сделал для тебя все, что сумел. Ты сделал для меня все, что смог. Пусть дальше нас обоих проверит Дилга.

И сын понял, что они учились вместе: он – воинскому искусству, отец – искусству однорукого воина.

Отец отправился на редко посещаемую им заставу и поверг ботуров в изумление, проведя несколько кулачных боев. Одного за другим поколотил всех насмешливых молодых добровольцев. Тогда вышел один из признанных силачей. Ухмылялся, играя бугристыми плечами, превосходящими отцовские в развороте. Не то чтоб хотел помериться силами, а решил слегка поразмяться, проучить зарвавшегося калеку.

Хорсун следил за поединком с дерева. Впервые довелось со стороны наблюдать за вкрадчивыми шагами на вид вовсе не быстрого отца. В какой-то миг почудилось, что он стал мельче и тоньше. Будто превратился в худощавого, невысокого человека, чьи движения столь же неуловимы, сколь метки. Казалось, одной руки достаточно, правая была бы лишней. Вспомнились отцовские слова: «По мере надобности руки должны становиться тяжелее булыжин и легче крыльев. Так же и ноги. У живота свое умение – твердеть мышцами, чтобы чужой кулак отлетал от него, как от упругой моховой кочки!»

Бой шел долго. Кровавой юшкой изошли оба, засинели подглазьями и после недосчитались зубов. Силач, поднапрягшись, обхватил отца руками и поднял над головой... Ох и сверзит же сейчас на землю друзьям на потеху!

«Раз», – подумал Хорсун, и сердце его захолонуло.

«Два», – однорукий совсем несильно пнул хвастуна в лоб.

«Три!» – верзила с яростным ревом покатился по земле.

«Четыре...» – глазам не верилось: отец мирно шагал по дороге, направившись, видно, домой.

Наградой победителю стало приглашение в военный поход. Отряд ботуров собирался надолго отвадить разбойников барлоров от поселений, расположенных в верхнем течении Большой Реки. Тамошние жители не имели своей рати и ждали заступников. Нечестивые крали у них табуны и резали стада. Людей старались не убивать. Но лучше бы убивали. Женщин тати брали силой, а мужчин угоняли к мánдрам, чьи земли находятся в преддвериях Великого леса. Мандры метили пленников таврами, как скот, и в свою очередь поставляли гилэтам. Несчастных ожидало рабство – самое страшное, что только мыслимо сотворить с людьми.

Не удалось ботурам найти главное гнездо-средоточье барлоров. Уж очень хорошо оно было упрятано. Но за весну все же настигли и уничтожили несколько мелких шаек, разбросанных в тайге по верховьям, и одну большую. На много ночлегов пути Великий лес очистился от волков в человечесем обличье. Однако пострадал и отряд молниеносных. Восемь посланцев не вернулись в родную долину.

Первым из погибших отрядный старшой, опустив глаза, назвал Смеющегося левшу. Такое прозвище, говорят, дали отцу люди окраинных аймаков. Он дрался как бешеный и все

время смеялся. Его не брали мечи. Тело воина было словно заговорено. Сразила отца стрела с граненым наконечником. Спустивший ее оказался великим умельцем ходить по лесу бесшумно. Острый слух изменил ботуру. Может, из-за смеха... Не различил шороха шагов по каменистой тропе, не уловил свиста стрелы. Она вошла под левую ключицу меж костяными пластинами кольчуги легко, будто нож в игре, кинутый в землю. Знаменитая рука левши как раз выдернула копье из груди очередного врага. Успел обернуться к стрелку и весело потряс копьем.

Рассказывали, что лицо мертвого отца, осчастливленного доброй битвой, сияло. В тот день ему всласть довелось пострелять и порубиться. Все молниеносные мечтают о столь достойном завершении земного Круга. В этом и есть высокое предназначение воителя – погибнуть с оружием в руках, спасая чье-то имущество. Чье-то здоровье... жизнь... честь.

Отрядник с поклоном подал матери оберег с косы погибшего мужа – полую медную трубочку с замкнутым пером орла. Мать не заплакала. Только низко нагнула голову:

– Я знала.

Она пережила однорукого на месяц. Умерла от болезни горла, перекрывающей дыхание. Шаман Терю́т, аймачный старшина селенья Горячий Ручей, опоздал с помощью. Предупредил, что болезнь переходчива и может на кого-нибудь перенестись, если похоронить почившую от нее в земле. Велел сжечь дом вместе с телом.

Хорсун так и сделал. На третий день попрощался с матерью, с ее витающей в левой половине жилья освобожденной душой, уже не принадлежащей ей на Орто. Не взял из дома ничего, кроме даренного отцом меча, охотничьего лука с колчаном и гилэтской косы. Вплел в свои волосы орлиный оберег...

Огонь занялся быстро. К ночи юрта и все дворовые постройки сгорели дотла. Остались лишь обугленные пятна на земле в том месте, где прежде стояла усадьба. Утром Хорсун отдал живность соседям и ушел в заставу – навсегда.

Багалык подивился воинским навыкам мальчишки. Пошел на редкую уступку: позволил пройти Посвящение без положенного срока ученичества. За девять испытательных дней Хорсун показал все свои умения. Не было здесь того, чего бы он не смог одолеть в честной борьбе. В конных скачках, метании копий, хапсагае, кулачном бою, битвах с батасами и мечами оказался лучшим из лучших. Только в ответах на лукавые вопросы, требующие не столько знаний, сколько скорости и смекалки, пару раз промахнулся.

Старые ботуры с одобрением поглядывали на паренька, поразившего самые дальние цели из лука. Цокали языками, рассматривая во время очищения огнем его испещренное мелкими шрамами жилистое тело. Понятливо и уважительно кивали седыми головами, узнав, чей он сын.

Вместе с Хорсуном пробу проходили потомки старинных воинских родов – рыжий Кугас и плечистый, крепко скро-

енный Быгдай. Они тоже обнаружили серьезную подготовку. Знать, не только мясовару помогали, прислуживая за столом три маетные учебные весны. Но Хорсун осилил испытания легче, хотя тогда был щуплым и возрастом младше.

Правящие главное таинство обряда Хозяйки Круга остались довольны всеми тремя. К правому бедру Хорсуна привесили воинский колчан, оснащенный девятью стрелами. Надели на большой палец левой руки ремешок с роговой пластинкой, защищающей от ударов тетивы. Судя по оперению в новеньких колчанах Кугаса и Быгдая, на долю каждого из них тоже пришлось по девять стрел.

Девять – священное число. Девять месяцев носит женщина дитя в себе. Девять ярусов небес возвышается над Орто. На девятом живет Белый Творец... Если вдруг грянет военная беда, стрел в колчане будет девять раз по девять.

Позже в дружине из уст в уста передавали слова багалыка о том, что за все время его правления не встречалось юношей, показавших себя более ловкими и выносливыми. И еще будто бы добавил багалык:

– Нравы Быгдая и Кугаса нам хорошо известны. Теперь узнаем, каков сын однорукого. Поглядим, не успел ли он отвердеть душою так же, как кожей.

* * *

В оные весны посвященных случалось до восьми чело-

век. После завершающего смотра на учебном аласе учиняли гулянья с удалыми забавами и щедрым столом. Эленцы жертвовали на пир жирную кобылу. Новоиспеченные ботуры угощали Илбиса, вознося остриями копий куски кобыльего сердца и печени на кроны высоких деревьев. Добрым знаком считалось, если к утру подношение исчезало. Молодые пили со всеми кумыс из круговой ведерной чаши, вбирая в себя дружинное родство.

Год Хорсунова прихода в заставу не побаловал большим наплывом новобранцев. Но не потому воинскому селенью стало не до шумных молодецких потех. В завершающий день Посвящения в Элен стряслось несчастье. Неведомо куда канули трое здешних чудодеев – два шамана и удаганка. Это была огромная потеря. Терюта почитали как опытного врачевателя и справедливого старшину людей рода косуль. Старый Сарэл слыл лучшим благословителем в Великом лесу. Губну горше всех оплакивали дети. Молодая удаганка лечила их веселым огнем. Волшебное пламя сжигало болезни в теле, ничуть ему не вредя...

Больше в долине шаманов не было, если не считать черного колдуна Сордóнга из аймака Сытыгáн. К кому теперь обращаться хворым, кто произнесет главные молитвы на празднике Новой весны?..

Долина гудела, множились праздные слухи. Поговаривали о тайном набеге людей хориту или разбойников барлоров, о войне шаманов со злыми духами и божьем наказании. Бага-

лыка и дружину укоряли в ротозействе. Не бывало такого, чтобы люди в мирное время исчезали бесследно.

Малый сход впустую тряс всех, кто последним видел пропавших. Старшины вотще посылали гонцов в соседние аймаки и кочевья тонготов. Будто сквозь землю провалились шаманы. У воеводы дух от тревоги занимался. До светцев отправил молодых дружинников пешком прочесывать окрестные леса и горы – вдруг да найдется хоть какая мало-мальская зацепка.

Хорсуну выпало проверить сосновые увалы и елани в зыбучих падах, близких к Сытыгану. Парень решил побелковать на обратном пути. Взял с собой охотничий лук и старый колчан с девятью костяными стрелами. Ничего, что с меха осенней белки еще не слезла огневая, как вихры у Кугаса, рыжина. Хорсун отдаст шкурки женщинам, и кто-нибудь сошьет троим молниеносным новичкам теплые шарфы из черно-рыжих беличьих хвостов.

Чуть ли не за каждый куст заглядывал юный ботур, благо ноги скорые и глаз на любой пустяк наметан. Свежий излом на ветке, растревоженный муравейник, сорванная паутина могли показаться кому-то безделицей, но не Хорсуну. В сосняке мало мха и валежника, песчаные тропы чисты и влажноваты от росы, кто ступал – сразу видно. Человеческие следы пока что не попадались, одни звериные... И вдруг словно холодным ветром повеяло, темная тень пала на лицо! В просвете между деревьями мелькнул человек. Высокий мужчи-

на в разлетающейся кожаной дохе быстро шагал в сторону Сытыгана. Хорсун подобрался и, не спуская глаз с незнакомца, крадучись, тронулся за ним.

Доха мужчины была пошита из шкуры диковинной зернистой выделки, продымленной до земляной черноты. Кожа мокро лоснилась, переливаясь в движениях. Подобной одежды не носили ни тонготы, ни одуллары, приезжающие зимой с берегов северных рек выменивать камусы и мясо домашних оленей на конский волос и железные вещи. Значит, это не тонгот и не одулар. Да и ростом велик по сравнению с кочевниками, мелкокостными и приземистыми. Может, шаял? Нет, у тех туловище массивнее и длиннее, а ноги короче. Торги в Эрги-Эн прошли в начале лета, все чужестранные торговцы давным-давно разъехались в свои земли. Кто этот пришелец, что делает здесь? Должно, он-то и связан с пропажей шаманов!

Под ногою хрустнула ветка. Воин замер, досадуя на себя, – горе-следопыт! Мужчина обернулся и тоже замешкался...

Не так уж близко находился человек, чтобы вплотную видеть его глаза. Но Хорсун видел, будто столкнулись лбами. В этих глазах... о-ох!.. брело в ледяную даль несметное полчище замороженных весен, более студеной, чем застарелые глыбы льда на северных хребтах. В двух тускло мерцающих кровавых озерах – парень разглядел и мог поклясться – плавали обледенелые трупы людей, застигнутых в отчаянном усилии спастись. Окаменевшие в невообразимых позах, со

смерзшимся воплем на лицах!

Хорсун попытался сделать взгляд пронзительным, как учил отец, но зрение затуманилось. Воин едва усмотрел, что его собственное лицо двумя дрожащими лунами отражается в страшных глазах незнакомца. Эти очи притягивали и притягивались сами. Взор их приставал к лицу липучей смолой, оставался на щеках неотдираемой грязью. Хорсуну захотелось тотчас шмыгнуть за дерево, спуститься с увала к ручью. Отмыться... развести очищающий костер... или, нет, бежать... бежать опрометью, без оглядки!

Мысли ботура скакали саранчой, а сам он стоял как вкопанный. Незнакомец наконец отлепил и отдалил обжигающие холодом очи. Присел на обрубок дерева. Сапоги у него тоже были странные, с глянцем на носках и полукруглыми выступами на пятках. В похожей обуви ходили в Эрги-Эн редкие торговцы западных племен. Не нунчйн ли, житель запада, этот пришелец?

Хорсун пошевелился, отмирая онемевшим телом. Он изо всех сил старался не показать обуревающего его страха.

...Нет, не нунчин. Не барлор и не гилэт. Вообще не человек. И, без сомнения, враг. Самый чудовищный из всех, когда-либо ступавших на землю Элен. Жилец не Срединного мира, не связанный пуповиной с Орто и вообще не имеющий с нею общих корней.

Тонкая кожа дохи облегалась чужака плотно, не выдавалась на левом бедре, где обычно топырятся привешенные к поясу

ножны. Стало быть, безоружный.

Мужчина зевнул громко, со смачным челюстным хрустом. Во всю ширь распахнул глубокий зев с двойными рядами острых клыков. Зачем такому меч или нож? Не укусит, так взглядом заморозит насмерть. Ни к чему играть в благородство.

Не таясь и не медля, Хорсун кинул стрелу к тетиве. Оттянул – аж плечо от напруги свело.

– Эй! – крикнул, чтобы не в спину стрелять. А через мгновение понял, что попал мужчине в горло.

Странник мог увернуться, мог на лету словить рукой кургузую, рассчитанную на беличью зеницу стрелу. Не успел ни того ни другого. Судорожно схватившись за шею пальцами обеих рук, закатил кверху жуткие глаза. Из-под древка стрелы толчками хлынула кровь, сок жизни обыкновенного багрового цвета...

Кем бы ни был иноземец, Хорсуну сделалось дурно.

Ему говорили: что – Посвящение! Мало летать в прыжках, бежать по отвесной круче, опускаться на дно озера. Мало являть чистоту мастерства живостью тела и четкостью движений. Мало владеть оружием... Воин проходит главное испытание, убивая первого врага.

Ему говорили: иные посвященные, впервые прикончив в бою человека, после боя оставляли бранное снаряжение в Двенадцатистолбовой и не возвращались в заставу.

Ему говорили: у смерти Ёлю страдающее лицо и она го-

разда запустить казнящую муку в такую твою сокровенную глубину, какой ты сам не ведаешь в себе. Хорсун был уверен: он выдержит, не дрогнув. Легко! Он ждал и жаждал испытания человеческой смертью. А тут, несмотря на то что клыкастый незнакомец вряд ли мог называться человеком, не сумел совладать с собой.

Ботур согнулся, и его бы стошнило, если б не смех странника. Приподняв голову, Хорсун снова застыл. Мужчина совершил невероятное. Вонзил длинные ногти в свое горло и с треском разодрал его пополам, словно ломкую, плохо промятую шкуру. Кровь забулькала, вскипела розовой пеной. В белеющих ободьях глотки показался костяной наконечник стрелы, застрявший в хрящах рожками острия. Пришелец без затруднений выдернул стрелу, приблизился и любезно пояснил:

– Она мне мешала.

Ошалевший воин ахнул, как девчонка. Белая ладонь с окровавленной стрелой простерлась к нему.

– Нет. – Хорсун спрятал руки за спину, отодвигаясь. – Стрела мне больше не нужна.

– Почему? – Странник вроде бы даже обиделся.

– Не нужна... – повторил пареньь.

– Ну и ладно, – весело сказал чужеземец и сунул стрелу в щель на боковине дохи. – Будем считать, ты мне ее подарил.

Он изъяснялся на языке народа саха бегло, но речь его была какой-то неровной – свистящей, прыгучей, словно в нее

намешали сторонних звуков.

– В меня часто стреляют, – признался странник, доверительно вытягивая к Хорсуну шею. Она срасталась стремительно и без шва. – Никто еще не попадал. А у тебя получилось, сын Смеющегося левши... Хорсун, меткий стрелок!

– Кто ты? Что сделал с нашими шаманами? Как разведал мое имя?..

– Все-то тебе расскажи, – засмеялся пришелец. – Ты мне нравишься, Хорсун, любопытный! Поэтому ты узнаешь ответы на вопросы, заданные столь бесцеремонно.

Хорсун прищурился, всматриваясь против света, и на миг ослеп, как от удара. Из-за спины странника – воин в который раз не поверил зрению! – показались пропавшие шаманы Терют и Сарэл... удаганка Гуона... Их лица были бледны, как у мертвых. Наверное, от стыда... Но бессовестные губы улыбались.

– Вам, кажется, есть о чем побеседовать, – молвил бродяга. – А я спешу. Дела, дела неотложные... Догоните меня, – бросил спутникам и резво пустился по сытыганской тропе.

Чародеи помедлили, чтобы дать Хорсуну освоиться со своим внезапным явлением. Затем удаганка, в нетерпении переминаясь с ноги на ногу, спросила:

– Может, и ты пойдешь с нами? – Тонким язычком облизнула бесцветный рот. – Ты не пожалеешь, если согласишься. Там, куда мы направляемся, великому господину служит лучшая рать. Она не то что облезлое эленское войско. Имя

ей – Множество Множеств! Когда-нибудь эта рать завоюет не только Великий лес-тайгу, но и всю Вселенную!

Не в силах ответить, ботур в смятении мотнул головой.

– Зря, – усмехнулся Терют. – А мы сделали свой выбор.

– Вас ищут, – прошептал враз осипший воин. – Вас потеряли люди... ваши родичи... дети... – Он коротко глянул на Гуону, бросившую ради чужого господина мужа и маленькую дочь.

– Пусть, – пожала плечом удаганка. – Поищут и забудут. Идем! У тебя будет все что захочешь.

Голова Хорсуна замоталась еще сильнее.

– Нет, нет, нет... – бормотал он, пятясь.

Старый Сарэл злобно скривился:

– Э-э, не уговаривай, Гуона, пусть остается! Нужен ли он нам, не умеющий ценить оказанной чести! Иди, иди в свою жалкую заставу, сопливый ботур! – Хлестким взглядом, словно ребром ладони на отлете, мазнул по свежему шраму-молнии на воинской щеке: – Ступай и скажи всем – мы не вернемся!

* * *

Ошеломленно озираясь, Хорсун сел под кустом у тропы. Когда он умудрился заснуть? Потер виски, стряхивая дурман. Тяжелая голова отдавала приглушенным гудом, как пустой глиняный горшок. На пригретом солнцем песке видне-

лись четкие следы подошв торбазов. Его, Хорсуновы, следы. И никаких других. Что же, выходит, ему приснились шаманы и странник?

Воин внимательно прошелся по тропе. Тут он стоял – носки ровень, отпечатки глубокие. Тут вроде слегка отшатнулся. Дальше следы-шаги сбивались. Судя по ним, Хорсун то направлялся вперед, то непонятно зачем топтался на месте. А здесь за кем-то крался и гнался скачками... За кем, если никого не было?

Он пересчитал стрелы в колчане. Восемь. Одной нет! Точно помнил: он стрелял единственный раз – в пришельца. Подумав об этом, усомнился. Утреннее солнце светило так ясно и мирно... Длинные тени стройных сосен ложились на увал коричневатыми полосами, будто подкрашенные охрой... Мягкий, прохладный, почти летний ветерок лениво колыхал длинные иглы хвои... Не могло случиться страшного в прошитом лучами лесу. Почудилось, приснилось!

Но где же тогда стрела?

Сосредоточившись, Хорсун перебрал приключение в подробностях и все-таки решил, что встреча произошла вживе. Правда, он забыл лицо пришельца. В памяти остались лишь его ужасные ледяные глаза и гладкая ладонь со стрелой. В мозг крепко врубилось предчувствие: Элен в опасности.

До вечера воин обследовал сосняк, поросшие камышом поймы, пустоши с кочкарником-зыбуном и еловые переле-

ски. Зашел к рыбакам в Сытыган, поспрашивал людей. Не нашел ничего подозрительного. Отчитываясь перед багалыком, обмолвился, что видел издалика человека в темной одежде, направлявшегося в рыбачий аймак. И все, больше ни слова. То же самое повторил перед Малым сходом.

Утаив главное, Хорсун чувствовал себя так, будто остутился в грязную лужу. Чем оправдаться? Не сумел проявить решительности, не схватил никого, не смог противостоять приневоленному сну. А расскажи он, как все случилось, люди бы не поверили. Самому небывальщиной казалось. Но па-че всего терзал стыд за предавших долину шаманов, ушедших к небывалому господину с его Множеством Множеств. Воин догадывался: это тот самый «господин», о чьем черном имени страшно помыслить.

Не простодушно молчание. До этого случая слова Хорсуна еще ни разу не расходились с делом. Шли по прямой одно за другим. Легко делиться вслух бесхитростными думами, не обремененными темной тайной. А тут неподъемная тяжесть на сердце легла. Ботур содрогался от мысли, сколько возмущения принес бы его правдивый рассказ, сколько горя доставил бы он ни в чем не повинным родичам подлых изменников.

Позже сытыганский шаман Сордонг, камлая на Малом сходе, плел басни о некоем кровожадном волшебнике. Злодей якобы вознамерился уничтожить всех шаманов по Большой Реке из желания стать самым могущественным в Великом

лесу. Тряся бубном и звончатыми подвесками платья, Сордонг выл и крутился, словно ошпаренный пес. Вещал сквозь дурные вопли, что, обернувшись волком, бежит за чужаком и вот-вот догонит его. Мол, видит уже невероятно раздутый живот и красное от крови лицо...

Не догнал, конечно. Куда хозяину незначительного джогура тягаться с самим демоном Джайан! Сордонг врал без запинки, хотя глаза от страха серыми мышками бегали по углам и губы дрожали. Наверное, плуту тоже было кое-что ведомо.

Хорсун еле справился с яростно чесавшимся языком. Бороло искушение крикнуть в запале: «Не верьте Сордонгу, все ложь, шаманы ушли к Черному богу!» Укрощал больную правду в себе, как строптивного жеребца. Предложи кто юному воину вместо этого испытания повторно пройти Посвящение, пошел бы во второй раз и в третий. Лучше привычно ломать и корезить тело, чем душу.

Он вдруг осознал, как непросто было сказанное отцом: «Пусть дальше нас обоих проверит Дилга». Понял, что начались взрослые уроки, которым, возможно, придется учиться до конца срока на Орто.

Домм третьего вечера

Жена багалька

Обезлюдели караульные вежи. Не слышать голосов и смеха в Двенадцатистолбовой. В семейных юртах матери и старшие дети укладывают малышей спать пораньше. Мнут у очагов шкуры в зубастых кожемялках, коротая время до приезда мужей и отцов. Отошли в память десять дней, потом еще день и ночь, а охотников все нет и нет...

Восходящее солнце, выглянув ненадолго, испугалось налетевшего северного ветра и скрылось в небесных ярусах под защитой богов. Поторопилось: ветер побушевал, появился, нагнал табуны пепельных облаков и затих. Скупой осенний свет неохотно разлился над Элен сквозь пасмурные слои.

Проспав все утро, чего прежде с ней не случалось, Нарьяна выбралась из-под рысьего одеяла. С трудом поднялась с супружеской лежанки и по тому, как низко опустился живот, поняла, что сегодня родит.

Никогда не сидящая без дела Модун, жена оставшегося стражем воина Кугаса, еще до рассвета разожгла огонь в камельке. Теперь подметает двор перед коновязями.

Стоя сбоку очага, с треском разгрызающего остатки смолистых поленьев, Нарьяна в первую очередь расправилась со своими непослушными волосами. Нетерпеливо драла, чесала деревянным гребнем свалывшиеся кудри, пока не упали

они по спине гладкими черными волнами. Туго-натуго, насколько хватило силы, заплела их в косу с добрый кулак толщиной. Натянула заячьи чулки, повязала на поясице кожаные тесемки широкого, в четыре ладони, пояса из пестрого меха сиводушки.

На спальную лавку легла медвежья шкура с полосой благородной седины. Нарьяна набросила шкуру с осторожностью. Брала пальцами, стараясь касаться как можно меньше, чтобы к ребенку не перешла злость зверя, живущая в шерсти. Прикрыла сверху волосяными циновками. К сложенному в углу одеялу добавила две набитые утиным пухом подушки. Сверху еще две – подшейные, меньше и мягче, из нежного лебяжьего пуха... Уф-ф, все. Едва не задохнулась от усилий.

Ночь выдалась маетная. Снова и снова видела Нарьяна чьи-то пронзительные ледяные глаза с кровавыми зрачками, наблюдавшие за ее сном. Ужасные очи преследовали много ночей подряд, почти с тех пор, как ушла дружина. Просыпаясь, женщина дрожала под теплым одеялом и, глядя сквозь оплывы оконной слюды, просила деву Луну помочь ей избавиться от дурного сна. Несколько раз порывалась сказать о сне хлопочущей рядом Модун и не смогла. Да что зря языком трепать? Сколько бы ни стерегли жену багалыка, обычная людская охрана не спасет от лихих глаз неизвестного.

Нарьяна вышла на улицу и вскрикнула: с ближней ели шумно слетела ворона. Ох не к добру! Обычно осторожная,

птица села по-свойски рядом, повернула набок гладкую головку и оглядела Нарьяну искоса снизу вверх. Нечто человеческое чудилось в этом внимательном насмешливом взоре. Откуда взялась – одна? Черные сородичи давно собрались в стаи, снарядились к кочевке в теплую страну Кытат.

Наглая ворона сделала скачок, подобралась почти вплотную к носкам ровдужных торбазов. Непроизвольно скрестив ладони на животе, женщина отшатнулась и упала спиной на покатую дверь юрты.

– Ш-шух! – опомнившись, шуганула незваную гостью.

Вещунья отпрыгнула чуть в сторону, но не улетела и пренебрежительно каркнула на весь двор: «Каг-р, кар-ра, кар-р!» Мол, гони меня, не гони, а я про тебя что-то знаю, да не скажу!

До зубовного стука напугала, пособница бесов...

Расстроенная, Нарьяна зашла обратно в юрту. Постояла в замешательстве на пороге, и словно холодные пальцы сдавили затрепетавшее сердце. Она ведать не ведала, что за жуткий человек ей снился, но вдруг поняла – почему... Это не человек, это – демон! Демон или дьявол, сам Черный бог, поднявшийся на Орто из глубин Нижнего мира Джайан! И не она, Нарьяна, нужна ему, а тот, кто родится сегодня! Должно быть, чудовище приближается к Элен... Может, оно уже здесь!

Ребенок заволновался внутри, дрыгнул сильной ножкой. Наверное, тоже боялся отмороженных бесовских глаз.

– Я спрячу тебя, малыш, – пообещала Нарьяна, поглаживая расходившийся живот.

Ждать Хорсуна нет сил, а враг подстерегает время, когда начнутся роды и тело Нарьяны откроется в пределы миров. Прорвавшись в явь, страшилище ринется к роженице, лишь только дитя подаст голос. Схватит-сожмет ребенка когтистыми пальцами... И ничто, никто этому не помешает! В заставе полно оружия и есть два обученных воина: Кугас и Дуолан, но они бессильны против демона... Нахлынула паника, и явилась мысль – бежать! Бежать, иначе сбудутся воронья примета, плохое предчувствие и дурные сны!

Где укрыться? Ближе всего к заставе маленькое селенье Сытыган. Там живут презренные люди рода щук, что питаются сусликами и лягушками. Аймак будто дал почин поговорке: «К волчьей стае приблудилась паршивая собака». Народ Элен мало общается с отщепенцами. О творящихся в роду делах рассказывают такое, что смотреть в ту сторону стыдно... Подумать невозможно о спасении в Сытыгане с его порочными обитателями, преступившими законы жизни, потерявшими души!

Дальше, левее к берегу Большой Реки, – аймак кузнецов Крылатая Лощина, расположенный между двумя холмами. Если отправиться по горной тропе, можно добраться быстро. Живущая там швея-мастерица Ура́на, жена главного кузнеца Тимира, подскажет, что делать.

Размышляя, Нарьяна собирала вещи для родов. В привя-

занный к поясу кошель сунула кусок вареной жеребятины в бересте, завернула в пучок пырейного сенца срезку жильных ниток и маленький нож. Поколебавшись, взяла ножницы с загнутыми остриями. Вдруг родится девочка, чем тогда пуговину отрезать? Ножом только мальчиков отсекают от материнской привязи, девочек – ножницами...

Скатала в кобылью шкуру заячье одеяльце и пеленку – квадрат тонко вымятой жеребьячьей кожи. Отыскала на полке среди мис и чоронов маленький туес с крышкой, налила в него свежих сливок. Спрятала приготовленное от заметливых глаз Модун.

Должно быть, Хорсун поручил хорошенько присматривать за Нарьяной. Женщина глаз с госпожи не спускает, придумала стеречь денно и ночью. Так и мелькает ее мощный силуэт в сверкающем окне. Слоистая слюда почти прозрачна и хорошо пропускает свет, не то что толстый кусок льда, который Хорсун вставит в окно зимою. Не почиштишь лед ножом вовремя, не обметешь снаружи веником – в юрте станет темно... Лед, лед, ледяные глаза! В низу чрева резко заныло. Словно острая палка с шипами захватила нутро и повернула по оси... О-о, Белый Творец, неужели бывает так больно?! Шепча молитву, Нарьяна забежала с левой женской половины на правую мужскую. Остановилась, поддерживая живот обеими руками. Боль отдалилась тянущими толчками, затихая. Надолго ли?

Нарьяна уткнулась головой в поддерживающий западную

часть юрты столб с торчащими сверху колышками. На них муж кладет оружие, вешает луки и седла. Выше, почти под самой балкой, темнеет вражья косица длиной в три кулака. В нее вплетен крохотный золотой меч-оберег. Косу когда-то отсек с головы иноземца гилэта отец Хорсуна, знаменитый воин...

Под косой блестит боевой шлем мужа с восемью отлитыми по бокам крылами, по четыре с обеих сторон. На каждом крыле равные счетом перья, одно к одному. Родовой зверь-господин багалыка – орел. Покровительствует ему сам четырехглавый, восьмикрылый Эксэю, священная птица – вестник весны... Хорсун мечтает о сыне. Воин ждет воина, орел – орленка. А знак материнского рода Нарьяны – белая кобылица.

Захотелось привстать на цыпочки и погладить рукой округлость крылатого шлема, ощутить живой гудящий холод железа, отлитого кузнецом Тимиром. Испуганно отдернула ладонь: совсем уже растеряла в путанице мыслей здравый разум и память... Забыла о запрете! Брюхатой бабе до боевых доспехов и дотрагиваться нельзя, не то что гладить.

Нарьяна в отчаянии топнула ногой: ну почему, почему воины до сих пор не явились?! Тревожным мыслям путь не закроешь, устремились во все стороны, тянут в голову худые думы. Вдруг разбойники барлоры или хориту, люди с узорными лицами, перебили дружину, безмятежно спящую в наспех сооруженных шалашах? Что, если охотники утонули в

реке или ссыпался кряж над ними безымянным могильным курганом? Страшно, страшно! Крикнуть бы громко, через леса и земли, пролегшие между нею и мужем, упасть на грудь ему малою птахой: «Хорсу-ун!» Где ты, любимый, в каких дебрях скитаешься-бродишь, бросив жену, может быть, на погибель?..

Вспомнив ворону, отругала себя: полно каркать, кликать напасти, позаботься о ребенке! Бежать в горы, к Каменному Пальцу, у подножия которого стоят юрты жрецов? Но и это один из многих женских запретов! Женщинам не разрешается подходить близко к селенью мужчин в светлых одеждах. К тому же Хорсун презирует жрецов... А бежать все-таки надо к ним! Люди, озаренные Белым Творцом, помогут. Должны помочь, должны спасти ее и ребенка! Ведь воины охраняют и их священный утес, невыгодно заметный отовсюду, навлекающий на долину опасность!

Нарьяна приникла к окну, выглядывая мощный стан Модун. Тут охранница и сама зашла, густо звеня медными подвесками на платье. Занесла воды в берестяном ведре. Поинтересовалась, не глянув на скользнувшую к лежанке хозяйку:

– Ты что, не ела еще?

Та нарочито зевнула, унимая занявшееся дыхание:

– Ела. Выпила целую чашку сливок.

Модун подкинула дров в очаг, протянула к огню замерзшие руки. Поежилась зябко:

– Ох как холодно! Северный ветер подул.

Будто упрекнула.

– Ну и шла бы домой, – буркнула Нарьяна.

Модун молча подвесила на железный крюк в очаге глиняный горшок с молоком. Нарьяна почувствовала себя виноватой. У женщины ребенок маленький, работы дома невпроворот, а тут будь добра исполнять приказ, оберегать капризную жену багалька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.